

Н. С. Кирабаев

«Он никогда не замыкал всё на себе»

Нур Серикович Кирабаев — советник при Ректорате РУДН по научной деятельности, директор Межвузовского центра гуманитарного образования, заведующий кафедрой, действительный член Российской академии социальных наук, действительный член Международной академии наук высшей школы, заслуженный деятель науки РФ. **Адрес:** Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6., каб. 312. **Электронная почта:** kirabaev-ns@rudn.ru.

Аннотация: О студенческих годах Геннадия Семёновича Батыгина, трудностях его карьерного пути и вкладе в развитие российской социологии и социологического сообщества — в воспоминаниях друга юности Батыгина, заслуженного деятеля науки РФ Нура Сериковича Кирабаева. Личное интервью проведено О.Б.Солодовниковой.

Ключевые слова: Геннадий Семёнович Батыгин, философский факультет МГУ, Институт социологии РАН, РУДН, история российской социологии.

Для цитирования: Кирабаев Н.С. «Он никогда не замыкал всё на себе» / Интервьюер О.Б. Солодовникова // Пути России. 2023. Т. 1. № 2. С. 41–49.

Вы встретились с Батыгиным, ещё будучи студентами философского факультета МГУ. Можно сказать, что ваша дружба началась уже тогда?

Я познакомился с ним на первом курсе, в 1969 году, когда мы жили в общежитии филиала Дома студента — сейчас этих зданий уже нет. Курс у нас был интересный: разброс поступающих в наш год был от 1939 года рождения до 1953-го, — первое послевоенное поколение, набор по социальному признаку... Геннадий Семёнович всегда представлялся очень цельной натурой: он рос в семье военного (папа) и врача (мама), поэтому был изначально приучен к дисциплине. И при этом увлекался разного рода классикой. Мы читали всё подряд, включая «Буратино» Толстого — то ли в шутку, то ли всерьёз, и среди нас был человек, уже знавший творчество Владимира Соловьёва, о котором в то время мало кто слышал. Часто встречались, обсуждали прочитанное. Геннадий Семёнович всех потрясал тем, что любил цитировать Нагорную проповедь из Евангелия. И уже тогда у него были два важных жизненных принципа, которые, мне кажется, у него сохранились до конца: «будем живы, не умрём» и «не надо метать бисер перед свиньями». Иногда ему очень дорого давалось придерживаться этих принципов.

После института ваши научные пути разошлись?

Я не вникал в его профессиональную жизнь, но мы тесно общались семьями. Он рано женился, уехал жить в Москву уже на третьем курсе. То есть нас переселили в Главное здание МГУ, а он уже жил на Щелковской с супругой Тамарой, у них был замечательный сын Эдуард. Закончил учёбу Батыгин на отлично, он всегда хорошо учился — был такой правильной мальчик-отличник, но, в отличие от всех других, очень рефлексирующий — и это много что давало. Кроме того, он был человек музыкально одаренный, играл на аккордеоне, на баяне. Мои дети запомнили его как «Дядя Гена-крокодил», с которым всегда весело играть и общаться. В более поздний период, когда он быстро освоил компьютер, дети с удовольствием развлекались с ним компьютерными играми, в частности F16 — симулятором полетов.

Как эрудированного человека его привлекали разные стороны жизни. Участь в группе научного коммунизма (туда проходной балл был ниже), он сильно увлёкся тем, что можно назвать *religious studies*, исследованием религий, поэтому писал курсовые на кафедре атеизма и свободомыслия, как это тогда называлось. И, конечно, имел огромный круг общения. После окончания университета он не попал в аспирантуру, судьба так сложилась, и пошёл научно-техническим сотрудником в ИКСИ, Институт конкретных социальных исследований. Его туда сначала на месяц взяли, потом на полгода, и там ему попалась очень сердобольная заведомо аспирантура, которая

сказала, что нужно всё-таки не тратить времени и защитить диссертацию. Он начал активно работать, оставаясь в должности вспомогательного, научно-технического персонала. Руководителем у него был Вадим Захарович Роговин, вполне лояльный человек, а одним из оппонентов Цыпко, я это помню, потому что Цыпко врученный ему том работы Батыгина отдал тому обратно со словами: я это даже читать не буду, потому что в этом ничего не понимаю. Геннадий Семёнович у нас первым на курсе защитился, как-то после этого воспрянул, его оставили младшим научным сотрудником — и он потихонечку работал.

Чем памятен вам Батыгин как профессионал, учёный, социолог?

Безусловно, вспоминается его журнал. Главреду «Социологических исследований» Харчеву при жизни надо было сказать огромное спасибо за то, что он не вмешивался лишний раз, доверял редколлегии и лично Батыгину. В редколлегии помимо самого Геннадия Семёновича было несколько замечательных людей, я помню, например, Попова — из «Правды» пришёл, и принёс с собой дух актуализации: в конце «Социса» был такой раздел «Зарубежная мозаика», где публиковались очень интересные высказывания на важнейшие темы. Конечно, все наслышаны о жутких требованиях Батыгина к стилистике: в те времена ещё не было общепринятых правил к оформлению статей, но он выработал свои замечательные критерии и уровень «Социса» быстро возрос — в нём стало очень престижно печататься. По Батыгину, человек сразу, при первом взгляде на статью, на её маленький «абстракт», должен был понять суть текста, он буквально «вытягивал» тематику. И вообще для него был очень важен путь прохождения статьи от автора до журнала. Чуть меньше людей знают, что Батыгин обладал ещё и удивительными дипломатическими способностями. Характерный пример: был такой замечательный социолог, социальный философ Юрий Николаевич Давыдов, он оказался среди подписантов письма протеста после вторжения советских войск в Чехословакию в 1968 году. Поэтому помимо Главлита все тексты Давыдова рассматривал ещё и личный цензор. И когда Батыгин просил у Давыдова статью, он лично ездил в ЦК к его цензору обо всём договариваться — и это получалось. У Геннадия Семёновича была удивительная способность, умение работать с авторами. Тем обиднее, что после ухода Харчева, скажем так, он стал жертвой компромисса между старым и новым руководством Института. Ему бы и те, и другие должны были сказать спасибо, а в итоге его попросили уйти — и он ушёл в Институт книги. Это время стало для него периодом глобальной рефлексии, тесного общения с Ядовым — я тоже познакомился с Владимиром Александровичем как раз тогда. Ну и после того, как Ядов возглавил Институт социологии, Батыгин вернулся в команду.

На прежнее место?

Насколько я понимаю, Батыгин согласился вернуться только при условии, что он не будет занимать никакую явную должность с бюрократическим функционалом. Ему дали редактировать журнал, он числился в одном из секторов, но жил и работал достаточно автономно. Вёл свои проекты, в частности, у него был большой проект по социальной науке 1930-х годов, встречался ради этого со Свидерским из Фрайбургского университета в Швейцарии, выпустил статью про историю становления социологии в то время [Батыгин, Козлова, 2001]. Конечно, все эти перипетии в его жизни сопровождались двумя инфарктами, кроме того последнего, что стал роковым. Ему всё в жизни давалось не легко. Однажды я ему звоню, а никак не могу найти. Позвонил его маме, Александре Ивановне, которая уже жила в Зеленограде: «Здесь он», — говорит. — В больнице». Действительно, он там лежал после инфаркта, ну, я поехал к нему... Он вообще очень активно занимался спортом, с первого курса. Гоночный велосипед был его постоянным хобби, а может, и дамочловым мечом: последняя поездка и дала третий инфаркт. Конечно, спорт поддерживал здоровье, но Батыгин относился к нему ещё и азартно, тренируя волю.

Батыгин какое-то время работал в РУДН: это вы его позвали?

Я был здесь деканом и перетащил Геннадия Семёновича к нам из Института МВД, где он работал на какую-то часть ставки. Это был уже 1992 год, мы тогда открыли факультет социологии и нам нужно было поставить его на ноги. Батыгин очень многое сделал. Издали в 1995 году с помощью Ларисы Козловой, верной спутницы Геннадия Семёновича в последние годы жизни, хранительницы его идей и исследований, учебник для подготовки аспирантов, замечательный труд Батыгина [Батыгин, 1995].

Благодаря Геннадию Семёновичу у нас стали читать курсы многие замечательные люди из Института социологии, тот же Ядов или Дробижева. Я не очень вмешивался в то, как и что они преподавали. Приведу пример: у нас был первый выпуск бакалавров-социологов, в экзаменационной комиссии сидели Геннадий Семёнович, Вилен Николаевич Иванов и Зинаида Тихоновна Голенкова — и они на троих «вынесли» весь курс без единой пятёрки. Потом был, конечно, разбор полётов. Я как чиновник сказал, что благодарю их за качественную оценку, но всё же адресую упрёк: вы же сами готовили этих людей, почему же так получилось?.. При этом востребованность факультета была очень высока: в 90-е годы как раз появлялись службы по подбору кадров в разнообразных структурах, и социология управления оформилась как устойчивая образовательная траектория. Усилия Геннадия Семёновича и Гульсины Галеевны Татаровой привели к тому, что

второй траекторией стала методология социальных исследований, а третьей — история социологии, где много сделал Денис Подвойский.

Параллельно в жизни Батыгина существовала Шанинка. Влияние шанинского круга как-то сказывалось на интересах, манере преподавания Геннадия Семёновича?

Конечно, Шанинка была очень большим куском его жизни. Благодаря Геннадию Семёновичу я сам познакомился с Теодором, мы стали дружить. Теодор, помимо всего прочего, ещё и очень талантливый систематик, и усилия шанинского круга помогли нам привести в систему преподавание социологии. Это касается и организации учебного процесса с полусеместрами, четырьмя модулями в год и т. д. И кредитно-модульной системы, которую я ввёл ещё в 1996 году, до подписания любых Болонских соглашений — просто потому что нам нужен был международный уровень преподавания. У нас ведь был факультет гуманитарных и социальных наук — практически как в Карловом университете, и мы готовили курсы на английском языке. Когда я уходил на должность проректора, мы только с Францией имели 6 программ совместной магистратуры. Для Геннадия Семёновича эта открытость, международные связи были очень важны. Ещё во время нашей учебы в МГУ он был в английской группе у самого строгого преподавателя, автора учебника — Царёва. Потом он ездил на стажировки в Англию и Штаты, в общем, у него английский всегда был в ходу, потому что он находил внешний кнут, который заставлял его работать. Неудивительно, что он первым воспользовался методом погружения в языковую среду, который ввели в Шанинке. Помню, что при Геннадии Семёновиче к нам приехал по Фулбрайту преподаватель-американец, который читал студентам полугодовой курс на английском, причём сказал: «Мне переводчик не нужен, я сам с ними разберусь». И точно: студенты очень быстро сориентировались. Все эти связи позволили нам тогда социологию сделать имиджевой стороной университета. Ведь до того ничего подобного в РУДН не было: была замечательная медицина, инженерный факультет, физмат, экономика и право, а вот всё гуманитарное находилось в зачаточном состоянии. По сути, имелись только историки, которые потом к нам влились. А мы ввели политологию, социологию, философию, искусство гуманитарной науки... Знаете, я уже говорил о дипломатическом таланте Геннадия Семёновича, но у него была ещё необычайная мудрость и умение молчать. В связи с открытием факультета международных отношений в нашем вузе проходила встреча ректоров МГИМО, ИСАА и РУДН. Директор ИСАА Мейер тогда меня предупредил: «Ты просто слушай, тебе важно открыть, а что ты потом будешь делать — вопрос второй». Я придерживался этого плана, пояснил, что миссия РУДН — Азия и Африка, ни на что большее мы не претендуем.

И тогда Геннадий Семёнович взял слово и очень уместно пояснил, что нам именно сейчас важно понять социальную структуру, связанную с Азией, Африкой и Латинской Америкой. Его слово было во многом решающим. Это был 1996 год.

Вам доводилось вместе работать, дискутировать на научные темы?

Мы просто друзья, профессионально мы не соприкасались никак, хотя я ходил на отдельные его семинары, высказывал какие-то свои мысли. Всё-таки наше образование, хоть и было идеологически-выдержанным, но оставалось на то время лучшим. К тому же все мы жуткие самоучки, это очень характерно для МГУ: университет учит учиться. Научить студента отвечать за свою судьбу, уметь выстроить свою образовательную траекторию — это первый шаг к ответственности.

Мы с Геннадием Семёновичем всегда дискутировали о глубоком знании языка. Я ему говорил, что это знание ограничено многими факторами, дойти до совершенства невозможно: кто бы что тебе ни говорил про свои познания, ты просто открой перед ним последнюю главу «Улисса», и пусть он это прокомментирует. Люди умолкают после увиденного. Видимо, из опыта таких бесед возник наш совместный семинар с Институтом философии РАН о непереводаемости. Идея проста: в каждой языковой культуре есть свои термины, которые непереводаемы, их надо просто принимать, и стоит признать, что категория культуры всегда имеет нечто философское в своей основе, и чтобы это что-то «открыть», нужно от неологизма продвигаться вглубь — к самой его сути. Я не китаист, я арабист, в китайском мне, как и всем, известны «инь» и «янь», но понимаю ли я, что они значат? У нас работал Анатолий Евгеньевич Лукьянов, лауреат Госпремии РФ, которого хорошо знал Геннадий Семёнович и который тоже ушёл ужасно рано, от ковида, — он был китаистом, переводил «Дао дэ Цзин» и убедительно показывал, как мало мы знаем о том, что в чужой языковой культуре может казаться общим местом (см., например: [Лукьянов, 1994; Лукьянов, Абраменко, Лилян, 2016]). Такие штуки нравились Батыгину.

Какой вклад Батыгина — в образование, науку — вам сегодня кажется особенно важным?

Он развивал социологию и как направление обучения, и как направление исследований — одновременно. И всегда это делал в связке с замечательными институтами, коллективами — будь то Институт социологии или позже Шанинка. Геннадий Семёнович хорошо знал людей своего цеха, умел сближать их между собой. Он любил и умел работать над своими проектами, но он умел и организовывать очень

сложные проекты и программы, требующие большой координации. Когда он стал деканом факультета социологии в Шанинке, он выстроил там всю систему обучения, причём это было сделать трудно: за два года магистратуры требовалось сделать из студента профессионала, даже если тот без базового социологического образования (да и что такое базовое образование для социолога — тоже вещь дискуссионная). Он же в своё время ввёл у нас идею образовательных траекторий, понимая, что все направления разом студент взять не в состоянии, нужно выбирать какое-то одно направление. У меня всегда было в базе 300 силлабосов, из которых студент мог выбрать: 50% курсов по выбору в бакалавриате, 80% в магистратуре — причём выбор осуществлялся в виртуальной среде, и только потом закреплялся тьютором. Мы научились находить аудитории для смешанных групп, ввели принцип экономической эффективности, когда деньги идут за студентом — ещё до того, как он был введён новейшими реформаторами. Геннадий Семёнович очень много сделал для развития нашей магистерской программы по социологии, на которую мы получили грант от Мирового банка: он понимал, что без фундаментальной науки никакая прикладная невозможна, поэтому очень серьёзно относился к качеству курсов. В общем, он оказал влияние не только на организацию учебного процесса, но и на подготовку кадров высшей квалификации. Это если говорить о профессиональной сфере.

А если не только о ней?

Влияние на людей?.. Как сказать... Геннадий Семёнович всегда говорил прямо, мог себе такое позволить. У него было обострённое чувство справедливости, поэтому он и не хотел занимать никакие должности в Институте социологии. Помню, как мы обсуждали события в Баку 1990 года, и звучали разные точки зрения. А Геннадий Семёнович очень кратко сказал: «Вот есть факты, давайте на них и смотреть» — и все как-то успокоились, а там были крупные журналисты, социологи. Просто всем очень хотелось представить происходящее так, как удобно, а Геннадий Семёнович протестовал против всякого передёргивания, потому что именно так формируется ложное общественное мнение. Как социолог он это понимал и осознавал.

Я бы сказал, что он был неформальным лидером, но при этом не был серым кардиналом. И очень не любил интриги. Я расскажу одну историю, но без фамилий. Когда он работал в журнале, какой-то известный учёный прислал ему свою статью, он стал её читать и обнаружил плагиат. Дальше больше: выяснилось, что и более крупная работа того учёного — тоже плагиат. В общем, это как-то стало известно. А через какое-то время этот учёный умер, и Геннадий Семёнович очень долго корил себя, что такая несвоевременная кончина может быть связана и с этой историей. Он всё время говорил, что это

«и на его совести» тоже, что можно было бы не поднимать вопроса с плагиатом так явно, ограничиться тем, чтобы не брать статью в журнал, а дальше не лезть. И с тех пор он стал всем, кто работал в журнале, говорить: «Занимайтесь статьёй и всё, не трепитесь». Не делитесь с другими подробностями своей работы. Ваша коммуникация с авторами — врачебная тайна. Это этический вопрос, поставленный очень по-батыгински. В нём чувствуется проявление обострённого, контекстуального чувства справедливости.

Конечно, не всем это нравилось. Я уже говорил: то, что в Институте социологии Батыгиным как-то раз пожертвовали, чтобы решить свои проблемы, было очень нехорошо, это была большая неблагодарность. Тем более что людям, попросившим его уйти, он очень много помогал. Я ещё понимаю, что советские товарищи были им недовольны, писали жалобы — Харчев реально знал и причины, и цену этим жалобам. Но ведь и несоветские вроде бы товарищи подчас вели себя не лучше. Поэтому Батыгин сделал для себя правильный вывод: не всегда нужно быть первым, и под вторым номером вполне можно делать своё дело.

Видимо, такие этические принципы стоили многих нервов.

Конечно. Его уход был большой неожиданностью, я его видел буквально за неделю до того, приезжал к нему, мы что-то обсуждали — и вот. Я часто у него бывал, когда он уже жил в однокомнатной квартире с Ларисой Козловой. Двадцать лет прошло, как его не стало, и всё это, конечно, очень болезненно.

Через неделю после гибели Геннадия Семёновича ушёл ещё один замечательный человек, тоже наш однокурсник — Александр Хамитович Султанов, специалист по философии языка, работавший в Институте языкознания. Как раз на поминках Геннадия Семёновича, с которым они тесно общались, я видел его в последний раз.

В прошлом году к юбилею философского факультета МГУ мы издали небольшую книжку о себе и времени [Полвека спустя, 2021]. Там есть разные воспоминания обо всех нас, поступавших в 1969-м. Я рассказывал, например, как Геннадий Семёнович получил весть о рождении сына: мы были тогда на военных сборах, пришла телеграмма — радости-то! Попроказничали немножко. Время было интересное и творческое. Геннадий Семёнович прожил сложную жизнь, но для него, я верю, она была жизнью счастливой: Дело не только в результате труда, но и в том, что он видел: то, чем он занимается, реально объединяет людей. У него было одно замечательное качество: он никогда всё на себе не замыкал. Кто с ним работал, учился, общался — знает, что у него отсутствовало это: «Я, я, я». Все вместе делали общее дело. Вот он сам выпал, а дело — через Диму Рогозина, Ларису Козлову — так или иначе живёт.

Батыгин был прообразом того, кого мы сейчас хотим видеть в качестве профессора, наставника и учёного. Благодаря таким, как он, наука вернулась в вуз. Время выбирает таких людей. С другой стороны, когда эпоха заканчивается — уходят и они.

Литература

1. *Батыгин, Г. С.* Лекции по методологии социологических исследований. М.: Аспект Пресс, 1995.
2. *Батыгин, Г. С., Козлова, Л. А.* Политика в области науки и формирование советского философского общества в 1930-е и 1940-е годы // Россия и современный мир. 2001. № 3. С. 71–87.
3. *Лукьянов, А. Е.* Начало древнекитайской философии: И цзин, Дао дэ цзин, Лунь юй. М.: Радикс, 1994.
4. *Лукьянов, А. Е., Абраменко, В. П., Лилян, Х.* Дао дэ цзи. М.: Ин-т Дальнего Востока РАН, 2016.
5. Полвека спустя: однокурсники о времени и о себе / Сост. и общ. ред. И. Б. Куделько, С. В. Туманова. М.: Издатель Воробьев А.В., 2021.